

Эрик

Автор:

Терри Пратчетт

Эрик

Терри Пратчетт

Плоский мир Ринсвинд, Коэн и волшебники #4

Иногда волшебниками становятся совершенно неподходящие люди! Взять, к примеру, Ринсвинда: за годы учебы в Незримом Университете ему удалось освоить одно-единственное заклинание. Вернее говоря, это заклинание «освоило» мозг Ринсвинда без разрешения последнего. Да и применить его никак нельзя – выпущенное на волю, оно уничтожит весь Плоский мир. Вот и приходится Ринсвинду (который, скажем откровенно, особыми талантами не блещет) в совершенстве освоить искусство «бегства от неприятностей». Но вы же знаете, что нельзя убегать вечно, правда?

Терри Пратчетт

Эрик

Terry Pratchett

ERIC

Copyright © Terry and Lyn Pratchett 1990

ERIC first published by Victor Gollancz Ltd, London

This edition published by arrangement with Orion Publishing Group and Synopsis Literary Agency

© И. Кравцова, А. Жикаренцев, перевод на русский язык, 2016

© И издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Эрик

Пчелы Смерти крупны и черны, они гудят мрачно и грозно и хранят свой мед в сотах, белых, будто алтарные свечи. Их мед черен, как ночь, тягуч, как грех, и сладок, как патока.

Всем известно, что если соединить вместе восемь цветов радуги, то получится белый цвет. Но всяк видящий знает: чернота также состоит из восьми цветов, и ульи Смерти стоят посреди черной травы, в черном саду, под древними, усыпанными черными цветами деревьями, которые какое-то время спустя покроются яблоками, и яблоки эти... скажем так, красными они не будут.

Траву только-только выкосили. Коса, проделавшая эту работу, была прислонена к корявому стволу груши. Смерть проверял свои ульи, осторожно поднимая соты костлявыми пальцами.

Несколько пчел раздраженно жужжали вокруг него. Подобно всем порядочным пчедоводам, Смерть носил на голове сетку. Не то чтобы пчелам было что или куда кусать, но иногда они залетали к нему в череп и бились там, причиняя жуткую головную боль.

Но только он поднял соты навстречу серому свету, сияющему над его маленьким мирком меж реальностями, как земля едва уловимо вздрогнула. В улье поднялся

рассерженный гул, с соседней яблони слетел листочек. Легкий порыв ветра пронесся через сад – это и было самое странное, ибо воздух в стране Смерти всегда остается теплым и неподвижным.

На один очень краткий миг Смерти почудилось, будто до него донеслись легкий топот бегущих ног и голос, твердящий... нет, скорее голос, думающий: «Очерточерточерт, сейчас я умру умру УМРУ!»

Смерть был почти самым старым существом (ну хорошо, антропоморфической сущностью) во вселенной, и его привычки и образ мыслей были таковыми, что простой смертный не мог даже надеяться их понять. Но вместе с тем Смерть был хорошим пчеловодом, и поэтому, прежде чем как-то отреагировать на происшедшее, он аккуратно убрал соты обратно в улей и закрыл его крышкой.

Затем Смерть пересек темный сад, снял сетку, осторожно вытряхнул пару пчел, заблудившихся в глубинах черепа, вошел в дом и проследовал к себе в кабинет.

В тот самый момент, когда он садился за стол, по саду пронесся еще один порыв ветра, от которого задрезжали песочные жизнеизмерители на полках, а установленные в холле большие напольные часы с маятником на неуловимую долю мгновения прервали свою нескончаемую работу по разрезанию времени на удобоваримые кусочки.

Смерть вздохнул и сфокусировал свой взгляд.

Нет такого места, куда бы не мог отправиться Смерть, каким бы удаленным и опасным оно ни было. По сути дела, чем это место опаснее, тем больше вероятность, что Смерть его вскоре посетит.

И вот сейчас он пронизал своим взором туманы пространства и времени.

– А, – проговорил Смерть. – ЭТО ОПЯТЬ ОН.

В Анк-Морпорке, который в обычном своем состоянии был самым процветающим, самым шумным и прежде всего самым многолюдным городом на Плоском мире, стоял жаркий летний день. И лучам солнца удалось сделать то, чего не удалось

бесчисленным захватчикам, нескольким гражданским войнам и закону о комендантском часе. Они принесли в город покой.

Собаки, тяжело дыша, лежали в обжигающей тени. Река Анк, которую в принципе никогда нельзя было назвать пенистой, сочилась между берегами так, словно от этой жары выдохлась окончательно. Улицы были пустыми и раскаленными, как печные кирпичи.

Еще никто из врагов не смог захватить Анк-Морпорк. Ну, формально-то они это проделывали, и не раз. Город радостно приветствовал сорящих деньгами завоевателей-варваров, но всего через несколько дней захватчики вдруг с недоумением обнаруживали, что их собственные лошади им уже не принадлежат, а еще через пару месяцев недавние владельцы города превращались в очередное нацменьшинство со своей культурой настенных надписей и продовольственными магазинами.

Но жара осадила город и с триумфом преодолела его стены. Она накрывала дрожащие улицы, словно саван. Под небесной паяльной лампой наемные убийцы чувствовали себя слишком усталыми, чтобы убивать. Воров солнце превратило в честных людей. Обитатели увитой плющом цитадели Незримого Университета, ведущего учебного заведения Плоского мира для волшебников, дремали, надвинув на лица остроконечные шляпы. Навозные мухи, и те были чересчур утомлены, чтобы биться о стекло. Город вкушал полуденный отдых, ожидая заката и облегчения, которое приносила краткая жаркая, бархатистая ночь.

И только библиотекарь чувствовал себя преотлично. Висел себе и радостно раскачивался на кольцах.

К жаре он подготовился заранее, натянув несколько веревок в одном из подвалов библиотеки Незримого Университета – а именно в том, где хранились, гм, всякие эротические[1 - Обыкновенные эротические книжки. Никаких извращений. Какое различие? Ну, можно использовать перышко, а можно – цыпленка.] книжки. Чаны с колотым льдом приятно курились холодными испарениями. В этих-то облаках и витал библиотекарь.

Все магические книги без исключения обладают собственной жизнью. Некоторые из них, отличающиеся по-настоящему мощной энергетикой, недостаточно просто приковать к книжной полке; их приходится прибавать

гвоздями или зажимать между стальными пластинами. Или (как в случае с книгами по магии тантрического секса, рассчитанными на серьезных знатоков) помещать под очень холодную воду, дабы они не воспламенились и не опалили свои строгие, без рисунков, переплеты.

Библиотекарь тихонько покачивался взад-вперед и мирно подремывал.

Но потом неизвестно откуда возник топоток, который консервным ножом вскрыл библиотечную тишину. Кто-то неизвестный промчался через залу, проник сквозь стену и исчез. Откуда-то издали донесся слабый вскрик: «Обогиобогиобоги, это ОНО, я сейчас УМРУ!»

Библиотекарь проснулся, не удержался на веревке и плюхнулся в тепловатую воду, несколько дюймов которой были единственной преградой, отделяющей «Прелести Тантрического Секса + Иллюстрации Для Двинутого Изучения» (автор – Анонимка) от спонтанного возгорания.

Будь библиотекарь человеком, ему пришлось бы туговато. Но, к счастью, в данный момент он являлся орангутаном. В библиотеке было собрано такое количество сырой магии, что было бы удивительно, если бы время от времени там не происходили несчастные случаи. Один особенно впечатляющий несчастный случай превратил библиотекаря в человекообразную обезьяну. Мало кому из людей удастся распрощаться с человеческой расой и остаться при этом в живых, и библиотекарь стойко сопротивлялся всем попыткам вернуть его в прежнее состояние. Поскольку он был единственным библиотекарем во всей множественной вселенной, который мог снимать книги с полок не только руками, но и ногами, Университет настаивать не стал.

Также это означало, что в представлении библиотекаря наиболее желанное существо женского пола выглядело примерно как мешок с маслом, пропущенный через рулон старых автомобильных камер. Так что ему повезло – он отделался всего лишь легкими ожогами, головной болью и довольно двусмысленными чувствами по отношению к обветренным огурцам.

А этажом выше невидимый бегун промчался прямо сквозь книжные полки – стоящие на них гримуары заскрипели переплетами и изумленно зашелестели страницами – и исчез, или, точнее, исчез еще больше...

Анк-Морпорк медленно выходил из своей дремоты. Что-то невидимое и вопящее во всю глотку несло по его кварталам, оставляя за собой бедлам и разруху. Там, где оно появлялось, вещи становились другими.

Одна живущая на улице Искусных Умельцев гадалка, после того как топоток промчался через ее спальню, обнаружила, что старый добрый хрустальный шар превратился вдруг в маленькую стеклянную сферу с домиком внутри и снежинками.

А в «Залатанном Барабане», где как раз собрались знаменитые искательницы приключений Херрена – Хладнокровная Холера, Рыжая Шэррон и Диома, Ночная Ведьма, дабы обменяться женскими сплетнями и перекинуться в «дуркера», все напитки превратились в маленьких желтых слонов.

– Это все университетские волшебники, – оправдывался трактирщик, торопливо заменяя стаканы. – Совсем страх потеряли. Нельзя ж такое допускать...

Часы родили полночь.

Члены Волшебного Совета потеряли глаза и уставились друг на друга затуманенными взглядами. Они тоже считали, что такие вещи допускать нельзя, в особенности потому, что это не они их допускали.

Наконец Эзролит Черн, новый аркканцлер Незримого Университета, подавил зевок, выпрямился в кресле и попытался принять подходящий случаю авторитетный вид. Черн сам понимал, что сделан не из того теста, из которого выходят настоящие аркканцлеры. Его вовсе не преследовало неутолимое желание заполучить эту должность. Черну было девяносто восемь лет, и он достиг этого почтенного возраста именно благодаря тому, что старательно избегал ситуаций, в которых мог представлять для кого-нибудь помеху или угрозу. А еще Черн надеялся провести закат своих дней, работая над завершением своего семитомного труда «Некоторые Малоизвестные Аспекты Куйянских Ритуалов Взывания Дождя». По его мнению, данная тема была идеальной для академических исследований, поскольку вышеупомянутые ритуалы действовали только на Ку, а данный континент погрузился в океанские пучины еще несколько тысяч лет назад[2 - На то, чтобы полностью скрыться под волнами, у него ушло целых тридцать лет. Жители Ку провели уйму времени, шлепая по воде. Эта катастрофа вошла в историю как самая позорная гибель

континента во всей множественной вселенной.]. Но беда была в том, что в последние годы средняя продолжительность жизни арк-канцлеров резко выросла и естественное стремление всех волшебников занять этот пост уступило место крайне необычной склонности вежливо держаться в тени. В одно прекрасное утро Черн спустился к завтраку и обнаружил, что все величают его не иначе как «сир». Только много дней спустя он выяснил истинную причину этой перемены.

А сейчас у Черна болела голова. Он чувствовал себя так, будто ему следовало лечь спать еще несколько недель назад. Но нужно было как-то отреагировать на происходящее.

– Господа... – начал он.

– У-ук.

– Да, да, извини, а также обезья...

– У-ук.

– Разумеется, я имел в виду приматов...

– У-ук.

Некоторое время аркканцлер молча открывал и закрывал рот, пытаясь направить свои мысли в нужное русло. Согласно университетским законам, библиотекарь являлся членом Волшебного Совета. Никому так и не удалось отыскать правило, которое запрещало бы орангутанам участвовать в заседаниях, хотя волшебники потратили на поиски немало времени и до сих пор украдкой навещали библиотеку.

– Кто-то явился с того света, – наконец объявил аркканцлер. – Возможно, это какой-то призрак. Нам срочно нужны колокол, книга и свеча.

Казначей вздохнул.

– Мы уже пробовали это, аркканцлер.

- Что-что? – наклонившись к нему, переспросил Черн.

- Я сказал, мы это уже пробовали! – громко повторил казначей прямо в ухо аркканцлеру. – Сразу после обеда, помните? Мы еще использовали «Муравьев Поиминнованных» Горбонрава и звонили в Старого Тома[З - Старый Том был треснувшим бронзовым колоколом, одиноко висящим на университетской колокольне. Свой язык он потерял практически сразу после отливки, но по-прежнему отмечал каждый час потрясающе звучным и внушительным молчанием.].

- Да неужели? И как, помогло?

- Нет, аркканцлер.

- Что-что?

- Да и кроме того, раньше у нас неприятностей с призраками не случалось, – заметил декан. – Волшебники с того света не возвращаются.

- Что ж, – радостно возвестил аркканцлер, хватаясь за этот довод как за спасительную соломинку, – возможно, это было что-нибудь совершенно естественное. Журчание какого-нибудь подземного ручейка, например. Движение Диска... Или просто печные трубы засорились. Знаете, они ведь могут издавать очень странные звуки, эти печные трубы... Особенно когда ветер дует в соответствующем направлении.

Он откинулся на спинку кресла и одарил всех сияющей улыбкой.

Остальные члены Волшебного Совета обменялись многозначительными взглядами.

- Аркканцлер, звуки, доносящиеся из печных труб, уж никак не похожи на топот бегущих ног, – устало сказал казначей.

- А может, это где-нибудь из крана капает? – предположил декан.

Казначей смерил его хмурым взглядом. Он был именно в ванной, когда через его комнату пронеслось невидимое вопящее нечто. Это впечатление было не из тех, которые жаждешь испытать снова.

Аркканцлер кивнул декану и, проговорив: «Ну, тогда, значит, все улажено», снова задремал.

Казначей какое-то время молча смотрел на Черна, а потом снял со старика шляпу и осторожно подложил ему под голову.

- Ну? - утомленно спросил он. - У кого-нибудь есть предложения?

Библиотекарь поднял руку и сказал:

- У-ук.

- Да, молодец, умница, - рассеянно отозвался казначей. - Еще кто-нибудь выступит?

Орангутан свирепо воззрился на него. Другие волшебники покачали головами.

- Это дрожь в структуре реальности, - высказал догадку декан. - Да, именно дрожь.

- И что нам с нею делать?

- Понятия не имею. Можно, конечно, прибегнуть к старому доброму...

- О нет, - возразил казначей. - Только не это. Слишком опасно...

Его слова прервал вопль, который начался в дальнем конце комнаты, а затем, расширяясь, прокатился вдоль стола, сопровождаемый топотом бегущих ног. Волшебники, опрокидывая стулья, бросились в стороны.

Пламя свечей вытянулось в длинные тонкие язычки октаринового света и погасло.

А потом наступила тишина, та особая тишина, которая наступает после действительно неприятного шума.

– Ну хорошо, сдаюсь, – наконец промолвил казначей. – Мы попробуем прибегнуть к Обряду АшкЭнте.

Обряд АшкЭнте – это самый серьезный ритуал из тех, что могут провести восемь волшебников. Он служит для вызова Смерти, самой осведомленной сущности во всей вселенной.

Однако волшебники прибегают к этому обряду с крайней неохотой, и это понятно, ведь те из них, кто достиг высшей ступеньки иерархии, обычно очень стары и предпочитают лишний раз не привлекать к себе внимание Смерти.

Обряд проходил в полночь в Главном зале Университета среди огромного количества благовонных пирамидок, подсвечников, рунических надписей и магических кругов. Строго говоря, все эти детали были совсем не обязательны – просто с ними приятнее. Полыхнула магия, заклинания были прочитаны, чары должным образом наложены.

Волшебники смотрели на магическую октограмму, но она по-прежнему оставалась пустой. Какое-то время спустя стоящие кружком фигуры в мантиях начали тихонько переговариваться друг с другом.

– Наверное, мы что-то сделали не так.

– У-ук.

– А если его нет дома?

– Или он занят?..

– Как думаешь, может, стоит завязывать с этим делом и идти спать?

– А КОГО, СОБСТВЕННО, ВЫ ЖДЕТЕ?

Казначей медленно повернулся к стоящей рядом фигуре. Мантию волшебника всегда можно отличить: она украшена блестками, всяческими оккультными символами, мехом и кружевами, а внутри ее обычно находится приличных размеров волшебник. Однако данная мантия была очень черной, и ее материал, казалось, был выбран за свою долговечность.

То же самое можно было сказать и о владельце мантии, который выглядел так, что, напиши он книгу о похудении, она стала бы гигантским бестселлером.

Смерть разглядывал октограмму с выражением вежливого интереса на лице.

- Э-э... - проговорил казначей. - Понимаешь ли... дело в том, что... э-э... по моему... ты должен находиться внутри...

- ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ.

Смерть с достоинством проследовал в центр октограммы и выжидающе посмотрел на казначея.

- НАДЕЮСЬ, МЫ БОЛЬШЕ НЕ БУДЕМ ЗАВОДИТЬ СТАРУЮ ПЕСНЮ НАСЧЕТ «МЕРЗКОГО ВРАГА РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО»?

- Мы случайно ни от чего тебя не оторвали? Может, у тебя дела какие?.. - вежливо осведомился казначей.

- ВСЯ МОЯ РАБОТА ВАЖНА, - ответил Смерть.

- Естественно, - поддакнул казначей.

- МЕНЯ ВСЕГДА КТО-ТО ЖДЕТ.

- Э-э... Э-э... Видишь ли, о мерз... господин, причина, по которой мы призвали тебя сюда... состоит в причине...

- ЭТО РИНСВИНД.

- Что?

- ПРИЧИНА, ПО КОТОРОЙ ВЫ ВЫЗВАЛИ МЕНЯ. ВОТ ВАМ ОТВЕТ: ЭТО РИНСВИНД.

- Но мы ведь еще не задали вопрос!

- И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ МОЙ ОТВЕТ - РИНСВИНД.

- Послушай, мы просто хотим знать, что именно стало причиной всей этой... О-о.

Смерть демонстративно смахнул с лезвия своей косы какую-то невидимую пылинку.

Аркканцлер приставил к уху корявую ладонь.

- Что он там говорит? И вообще, кто этот парень с палкой?

- Это Смерть, аркканцлер, - терпеливо объяснил казначей.

- Что-что?

- Это Смерть, сир. Уж его-то ты должен знать.

- Передай ему, чтобы убирался прочь! Здесь для него жатвы нет! - воскликнул старый волшебник, размахивая своим посохом.

Казначей вздохнул.

- Мы сами его вызвали, аркканцлер.

- Да? С чего бы это? Чертовски глупый поступок.

Казначей смущенно ухмыльнулся Смерти и хотел было попросить прощения: аркканцлер уже в преклонных годах и так далее, - но понял, что в данных обстоятельствах это будет совершенно напрасным.

– Мы говорим о волшебнике Ринсвинде? О том самом, у которого был... – казначей содрогнулся, – жуткий Сундук на ножках? Но он же бесследно сгинул во время той заварушки с чудесником! [4 - Казначей намекал на одно неприятное событие, во время которого Университет едва не стал причиной конца света – и на самом деле стал бы ею, если бы не цепь событий, в которых участвовали Ринсвинд, ковер-самолет и половинка кирпича в носке (см. «Посох и шляпа»). А вообще, вся эта история вызывала у волшебников огромное смущение – так всегда бывает с людьми, которые внезапно обнаруживают, что выступали не на той стороне*. Просто удивительно, сколько членов старшего преподавательского состава утверждали теперь с пеной у рта, что в данный период они были больны, навещали свою тетушку или занимались исследованиями за закрытой дверью, громко напевая при этом, вследствие чего не имели ни малейшего представления, что происходит снаружи. Одно время поговаривали, что Ринсвинду следовало бы поставить памятник, но по причине той любопытной алхимии, которая обычно действует в подобных щекотливых вопросах, памятник очень быстро превратился в мемориальную доску, затем – в иконографию на университетской Доске Почета и, наконец, в выговор за появление на рабочем месте в неподобающей форме одежды.* То есть на той, которая проиграла.]

– ОН ПОПАЛ В ПОДЗЕМЕЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ. А ТЕПЕРЬ ПЫТАЕТСЯ ВЕРНУТЬСЯ ОБРАТНО.

– И он способен на такое?

– НУ, ТУТ ПОТРЕБУЕТСЯ ОЧЕНЬ НЕОБЫЧНОЕ СТЕЧЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ. РЕАЛЬНОСТЬ ДОЛЖНА БЫТЬ ОСЛАБЛЕНА НЕКОТОРЫМ НЕОЖИДАННЫМ СПОСОБОМ.

– Но ведь этого не произойдет? – с беспокойством уточнил казначей.

Люди, которые, согласно официальным данным, в течение двух месяцев гостили у своей тетушки, больше всего на свете боятся, что вдруг, откуда ни возьмись, объявится некий человек, который будет ошибочно считать, что это совсем не так, ведь этот человек вследствие какой-то оптической иллюзии думает, будто бы собственными глазами видел, как они совершают вещи, совершать которые они просто не могли (поскольку были у тетушки).

– ОДИН ШАНС НА МИЛЛИОН, – ответил Смерть. – У НЕГО ЕСТЬ РОВНО ОДИН ШАНС НА МИЛЛИОН.

– О-о, – с невероятным облегчением произнес казначей. – Слава богам! Вернее, какая жалость! – Он заметно приободрился. – Конечно, эти его вопли, они очень беспокоят нас... Но он ведь долго не протянет, да? К нашему огромному сожалению, разумеется.

– МОЖЕТ, И ТАК, – вежливо откликнулся Смерть. – САМО СОБОЙ, Я МОГУ ОТВЕТИТЬ БОЛЕЕ ОПРЕДЕЛЕННО, ОДНАКО ВРЯД ЛИ ВЫ ЗАХОТИТЕ, ЧТОБЫ У МЕНЯ ВОШЛО В ПРИВЫЧКУ ВЫНОСИТЬ ОКОНЧАТЕЛЬНЫЕ СУЖДЕНИЯ В ДАННОЙ ОБЛАСТИ.

– Что ты, что ты, не беспокойся! – торопливо забормотал казначей. – Вот и ладненько. Что ж, огромное спасибо. Бедняга Ринсвинд. Вот ведь жалость... Однако мы ничего не можем поделать. Наверное, стоит относиться к подобным вещам философски.

– ВОЗМОЖНО.

– Не будем тебя больше задерживать, – раскланялся казначей.

– СПАСИБО.

– До свидания.

– ЕЩЕ УВИДИМСЯ.

Вопли прекратились еще до завтрака, но единственным, кто расстроился по этому поводу, был библиотекарь. Ринсвинд был его помощником и другом и никогда не отказывался очистить ему банан. А еще он как никто другой умел «делать ноги». Поймать Ринсвинда было очень нелегко.

Однако было и другое объяснение тому, почему суматоха вдруг улеглась.

Может, имело место то самое необычное стечение обстоятельств, о котором упомянул Смерть?

И необычное стечение обстоятельств действительно имело место.

Один шанс на миллион сработал – как всегда. Дело все в том, что как раз в тот момент кое-кто кое-что замыслил и подыскивал себе нужный инструмент.

И ему под руку подвернулся Ринсвинд.

Совершенно идиотское стечение обстоятельств.

Итак, Ринсвинд открыл глаза. Над ним был потолок. Если же все-таки это пол, то он серьезно влип.

Но пока все нормально...

Он осторожно ощупал поверхность, на которой лежал. Она была шероховатой – читай, деревянной, – с редкими дырками от гвоздей. Нормальная человеческая поверхность.

Его уши уловили потрескивание огня и какой-то булькающий звук, исходящий из неизвестного источника.

Нос, которому показалось, что его оставили не у дел, поторопился доложить о витающем в воздухе запахе серы.

Ладно. Ну и что он, Ринсвинд, может из всего этого вынести? Он лежит на грубом деревянном полу в освещенной огнем комнате, в которой что-то булькает и испускает запах серы. Ринсвинд, пребывающий сейчас в несколько отрешенном, дремотном состоянии, был очень доволен результатами этого дедуктивного процесса.

Так, что еще?

Ах да...

Он открыл рот и заорал. Он вопил, вопил и вопил.

Стало чуточку лучше.

Ринсвинд полежал еще немного. Сквозь ворох завалившегося в его памяти хлама проглянуло воспоминание о том, как он, будучи еще совсем маленьким мальчиком, лежал по утрам в постели, разделяя проходящее время на все более крошечные кусочки, дабы оттянуть тот ужасный миг, когда ему придется встать и начать разбираться с жизненными проблемами – такими, как: кто он, где он и почему.

– Кто ты такой? – спросил какой-то голос, раздавшийся на самой границе его сознания.

– Гм, я как раз подошел к этому вопросу, – пробормотал Ринсвинд.

Он приподнялся на локтях, и комната, чуть покачавшись, понемногу приобрела четкие очертания.

– Предупреждаю, – продолжал голос, который, похоже, доносился из-за стола, – меня защищает множество могущественных амулетов.

– Замечательно, – отозвался Ринсвинд. – Хотел бы я сказать то же самое о себе.

Он начал различать отдельные детали. Это была длинная комната с низким потолком, один конец которой был целиком занят огромным камином. Вдоль одной из стен тянулась лавка с разнообразной стеклянной посудой, по-видимому изготовленной пьяным и к тому же страдающим икотой стеклодувом. За причудливыми изгибами стекла пенилась и пузырилась разноцветная жидкость. С вбитого в потолок крюка расслабленно свисал скелет. Рядом из стены торчала жердочка, к которой кто-то прибил птичье чучело. Какие бы грехи ни совершила эта птица при жизни, она всяко не заслуживала того, что сделал с ней таксидермист.

Потом взгляд Ринсвинда упал на пол. Правда, до его взгляда туда падало много чего еще. И только вокруг волшебника кто-то разгреб осколки разбитого стекла и перевернутые реторты, освобождая место для...

Магического круга.

Круг был нарисован очень тщательно. Тот, кто водил мелом по полу, был хорошо осведомлен о том, что истинная цель этого круга – разделить вселенную на две части: внутри и снаружи.

Ринсвинд, разумеется, был внутри.

– А-а, – сказал он, ощущая, как его захлестывает знакомое и почти утешительное чувство беспомощности.

– Наказываю и приказываю тебе, о демон из бездны, дабы ты воздержался от каких-либо агрессивных поступков, – отозвался голос, исходящий, как понял теперь Ринсвинд, из-под стола.

– Прекрасно, прекрасно, – быстро согласился волшебник. – Я не против. Э-э... Но слушай, тут случайно не вкралась такая малюсенькая ошибка, а?

– Изыди!

– Хорошо! – Ринсвинд в отчаянии оглянулся по сторонам. – Но как?

– Не думай, что своим лживым языком ты сумеешь заманить меня навстречу моей верной гибели, о приспешник Шамгарота, – предупредил стол. – Я вельми сведущ в обычаях демонов. Повинуйся всем моим повелениям, не то я ввергну тебя обратно в пламень адский, из которого ты появился. Извини, лучше сказать, грядеши. Точнее, грядешь еси. И я это серьезно.

Говоривший наконец вылез из-под стола. Он был невысок, и большая часть его тела была скрыта под разнообразными амулетами и талисманами, которые, даже будь они бессильны против магии, без труда защитили бы своего владельца от удара мечом. На человечке были очки и шляпа с длинными клапанами по бокам, что делало его похожим на близорукого спаниеля.

В одной дрожащей руке он держал меч, на котором было выгравировано такое количество оккультных символов, что лезвие его чуть не гнулось под этим весом.

– Кажется, ты упомянул пламень адский или мне показалось? – слабо переспросил Ринсвинд.

– Вот именно. Где вопли терзаемых, подвергаемых всяческим истязаниям...

– Да-да, я тебя понял, – перебил его Ринсвинд. – Только, видишь ли, дело в том, что я совсем не демон. Так что, может, ты просто выпустишь меня отсюда и мы пойдем каждый своей дорогой?

– Воистину глаголю, не обманет меня внешний облик твой, демон, – возразил незнакомец, а потом уже более нормальным голосом добавил: – К тому же демоны всегда врут. Это хорошо известный факт.

– Правда? – откликнулся Ринсвинд, с радостью хватаясь за эту соломинку. – Что ж, в таком случае я – демон.

– Ага! Признание из собственных уст!

– Послушай, я не собираюсь с этим мириться, – возмутился Ринсвинд. – Я понятия не имею, кто ты и что происходит, но мне очень нужно выпить, понял?

Он шагнул вперед, намереваясь выйти из круга, и буквально остолбенел, когда рой потрескивающих искр, вылетевших из рунических надписей, впился в его тело.

– Да не посмешь... не посяшь... не посмеюти... – Так и не найдя нужного слова, заклинатель демонов наконец сдался: – В общем, ты не сможешь выйти за круг, пока я тебя не освобожу. Я вовсе не хочу показаться нелюбезным, но если я выпущу тебя из круга, ты сразу примешь свой истинный облик, и, полагаю, облик этот будет совершенно ужасным. Изыди! – добавил он, чувствуя, что взял не тот тон.

– Ну хорошо, исхожу, исхожу, – мирно откликнулся Ринсвинд, потирая локоть. – Но все же я не демон.

– Тогда как вышло, что ты явился по моему вызову? Или ты просто шел мимо через паранормальные измерения?

- Думаю, что-то в этом роде. Долгая история, и запутанная к тому же.

- Попробуй какую-нибудь другую шутку, у этой уже выросла борода.

Заклинатель прислонил меч к кафедре, на которой лежала толстенная, оцетинившаяся закладками открытая книга, и исполнил короткую безумную джигу, громко выкрикивая:

- Получилось! Хе-хе! Получилось!

Поймав на себе полный ужаса взгляд Ринсвинда, он взял себя в руки и, смущенно кашлянув, подошел к кафедре.

- Слушай, я правда не... - начал волшебник.

- Где-то тут у меня был список... - задумчиво проговорил заклинатель. - Ну-ка, посмотрим. Ах да. Я приказываю тебе - в смысле аз повелевам, - э-э, исполнить три моих желания. Да. Я хочу властвовать над всеми царствами земными, хочу встретить самую красивую женщину из всех, какие когда-либо жили в этом мире, и желаю жить вечно.

Он одарил Ринсвинда подбадривающим взглядом.

- Всего-то? - переспросил волшебник.

- Да.

- О, нет проблем, - саркастически промолвил Ринсвинд. - И потом весь остаток дня я буду свободен?

- А еще я хочу сундук с золотом. Но это так, в придачу.

- Вижу, ты как следует все обдумал.

- Да. Изыди!

– Хорошо, хорошо. Вот только... – Ринсвинд торопливо соображал: «Он безумен, но у этого безумца в руках меч, и единственный шанс уболтать его – это начать разговаривать с ним на его же языке». – Вот только, понимаешь, я демон не очень высокого ранга, и, боюсь, такие поручения мне не по плечу, извини. Ты можешь сколько хочешь исходить меня, но это просто выше моих возможностей.

Человечек глянул на него поверх очков и брюзгливо проговорил:

– Понятно... И каковы же тогда твои возможности?

– Ну, э-э... – ответил Ринсвинд. – Полагаю, я мог бы сбегать в лавку и принести тебе пакет мятных леденцов или что-нибудь в этом роде.

Наступило долгое молчание.

– Ты правда не можешь исполнить мои желания?

– Извини. Послушай, вот что я тебе скажу. Ты меня отпусти, а я обязательно дам знать кому надо. Ну, когда вернусь в... – Ринсвинд заколебался. Где, черт возьми, живут демоны? – В Городе Демонов, – с надеждой предположил он.

– Ты имеешь в виду Пандемониум? – подозрительно переспросил похититель.

– Да. Точно. Именно его. Так вот, я всем строго-настрога накажу, чтобы в следующий раз, когда они окажутся в реальном мире, непременно заглянули к... кстати, как тебя зовут?

– Турсли. Эрик Турсли.

– Отлично.

– Демонолог. Навозный переулок, Псевдополис. Рядом с красильней, – с оптимизмом подсказал Турсли.

– Замечательно. В общем, не беспокойся. А теперь ты, может, выпустишь меня?..

Лицо Турсли вытянулось.

– Ты уверен, что действительно не можешь исполнить мои желания? – спросил он. Ринсвинд заметил, что в голосе де-монолога появились умоляющие нотки. – Я бы согласился даже на маленький сундук с золотом. И хочу сказать, это не обязательно должна быть самая красивая женщина в мире. Вторая по красоте сойдет. Или третья. В общем, можешь выбрать любую из верхней сот... тысячи. Ну типа то, что есть в наличии.

К концу этой краткой речи голос Турсли уже звенел от страстного желания.

Ринсвинду очень хотелось сказать ему: «Послушай, что тебе действительно нужно, так это бросить возиться со всякими химикалиями в темных комнатах, побриться, подстричься, принять ванну (лучше дважды), обновить гардероб и выйти вечерком погулять, и тогда... – Но придется быть честным, поскольку даже вымытый, побритый и залитый лосьоном Турсли вряд ли мог рассчитывать на какие-либо призы... – И тогда ты сможешь получить пощечину от любой женщины на выбор.

Да, разумеется, это не так уж и много, но какой-никакой, а физический контакт».

– Увы, – пожал плечами Ринсвинд.

Турсли вздохнул.

– Там чайник греется. Чайку не хочешь?

Ринсвинд шагнул вперед, но вокруг него тут же затрещали искры.

– Э-э... – неуверенно проговорил Турсли, глядя на посасывающего пальцы волшебника, – знаешь что, наложу-ка я на тебя удерживающее заклятие.

– Уверяю, в этом нет никакой нужды...

– Нет-нет, так будет лучше. Зато ты сможешь свободно передвигаться. К тому же я все равно приготовил его заранее – на тот случай, если ты сможешь пойти и привести, ну, знаешь, ее.

– Давай свое заклинание, – отозвался Ринсвинд.

«Ноги. Дверь. Лестница, – думал он, пока демонолог бормотал себе под нос какие-то слова из книги. – Какое замечательное сочетание...»

Ринсвинду вдруг показалось, что в этом человечке есть что-то не совсем обычное, но он никак не мог понять, что именно. Турсли выглядел в точности как те демонологи, которых Ринсвинд знал в Анк-Морпорке, – все они были сгорбленными, с кучей пятен от реактивов и со зрачками, сузившимися от всяких химических испарений до размеров булавочной головки. Турсли вполне вписывался в общую картину. Но было в нем что-то не то...

– Если быть совсем честным, – признался Турсли, усердно стирая часть круга, – ты мой первый демон. Раньше у меня ничего не получалось. Как тебя зовут?

– Ринсвинд.

Турсли обдумал его ответ.

– Что-то не припоминаю, – заявил он. – В «Демонологии» есть один Рийнисвин. И один Винсвин. Но у них больше крыльев, чем у тебя. Так, теперь можешь выходить. Кстати, должен отметить твою первоклассную материализацию. Посмотреть на тебя, так и не подумаешь, что ты злой дух. Большинство демонов, когда хотят походить на людей, материализуются в облике дворян, королей и принцев. Но твоё подражание побитому молью волшебнику очень удачно. Ты чуть было не обвел меня вокруг пальца. Жаль, ты не можешь сделать того, о чем я прошу.

– Никак не возьму в толк, и почему тебе так хочется жить вечно, – заметил Ринсвинд, обещая себе, что за «побитого молью» Турсли еще заплатится. – Вот снова стать молодым – это да, это я понимаю.

– Ха. Быть молодым не так уж и весело, – отозвался Турсли. И быстро прихлопнул рот рукой.

Ринсвинд наклонился вперед.

Ага... Вот что в нем не так!

- Эта борода фальшивая! – воскликнул он. – Тебе сколько лет?

- Восемьдесят семь! – пискнул Турсли.

- А что это за крючки у тебя над ушами?!

- Семьдесят восемь, честно! Изыди!

- Ты маленький мальчик!

Эрик высокомерно выпрямился.

- А вот и нет! – рявкнул он. – Мне почти четырнадцать!

- Ага-а!

Эрик замахнулся на Ринсвинда мечом и прокричал:

- И вообще, какая разница, сколько мне лет! Демонологом можно быть в любом возрасте, ты все равно мой демон, и тебе придется исполнять то, что я велю!

- Эрик! – услышался голос откуда-то снизу.

Лицо Эрика побледнело.

- Да, мама? – крикнул он, не сводя глаз с Ринсвинда, а губы его беззвучно произнесли: «Пожалуйста, ничего не говори, ладно?»

- Что это за шум? Что ты там делаешь?

- Ничего, мама!

- Спускайся и мой руки, дорогой, завтрак готов!

– Да, мама. – Эрик застенчиво посмотрел на Ринсвинда и пояснил: – Это моя мама.

– У нее хорошие легкие, – признал волшебник.

– Ну так я... пойду? – спросил Эрик. – Тебе, разумеется, придется остаться здесь.

Тут до него дошло, что он несколько выбился из роли.

Мальчик снова взмахнул мечом и возвестил:

– Изыди! Приказываю тебе не покидать эту комнату!

– Хорошо. Конечно, – отозвался Ринсвинд, разглядывая окна.

– Обещаешь? А иначе я отошлю тебя обратно в Бездну.

– О, этого я совсем не хочу, – миготнул Ринсвинд. – Беги завтракай. И обо мне не беспокойся.

– Я оставляю тут свой меч. И прочие принадлежности... – предупредил Эрик, снимая с себя большую часть своего облачения и являясь миру в образе худощавого темноволосого мальчишки, чье лицо должно было стать гораздо приятнее, когда с него сойдут прыщи. – Если ты посмеешь прикоснуться к ним, с тобой произойдут разные ужасные вещи.

– Даже не подумаю, – заверил его Ринсвинд.

Оставшись один, он подошел к кафедре и посмотрел на книгу. Заголовок, набранный внушительно мерцающими алыми буквами, гласил: «Маллификарум Сумпта Дьяболиките Оккуларис Сингуларум» – «Книга Абсолютной Власти»[5 - На самом деле толкования названия этой книги были самыми разными. Кто-то говорил, что на самом деле оно переводится как «Злосчастный Погонятель Мелкого Одноглазого Демона», а кто-то вообще называл ее только по первым буквам.]. Ринсвинд знал о ней. В университетской библиотеке хранился один ее экземпляр, хотя волшебники никогда им не пользовались.

На первый взгляд подобное невнимание к столь могущественному труду могло показаться странным, ведь если и есть на свете то, ради чего волшебник готов продать родную бабушку, так это власть. Однако все вполне объяснимо. Любой волшебник, достаточно смысленый, чтобы выжить в течение хотя бы пяти минут, понимает: если в демонологии и есть какая-то власть, то принадлежит она демонам. И пытаться использовать демонологию в собственных целях – это все равно что пробовать пристукнуть мышь гремучей змеей.

Демонологов даже волшебники считали по меньшей мере странными. Обычный демонолог – это неприметный, бледный человечек с вялыми, влажными лапками, занимающийся в темных помещениях всякими сложными для понимания вещами. Ни один уважающий себя волшебник не станет связываться с демоническими областями, обитатели которых слыли самым большим собранием пустозвонов, какое только можно найти за пределами колокольни.

Ринсвинд на всякий случай внимательно изучил скелет, но тот, похоже, не собирался вносить свой вклад в ситуацию.

– Он принадлежал его, какеготам, дедушке, – раздался надтреснутый голос за спиной Ринсвинда.

– Несколько необычное наследие, – заметил Ринсвинд.

– О, не в прямом смысле. Дед купил его в какой-то лавке. Это один из этих, какихтам, двигающихся, в общем.

– Сейчас он не больно-то двигается, – попытался пошутить Ринсвинд, но внезапно стал очень тихим и задумчивым и, не поворачивая головы, спросил: – Э-э, а с кем, собственно, я разговариваю?

– Я какеготам. На кончике языка вертится. Начинается на «П».

Ринсвинд медленно повернулся.

– Попугай? – догадался он.

– Точно.

Ринсвинд устался на сидящее на жердочке существо. У птицы был всего один глаз, который сверкал как рубин. Ее щуплое тельце было обтянуто розовато-лиловой кожей, утыканной огрызками перьев, так что в целом существо походило на готовую к обжарке щетку для волос. Оно поерзало на своей жердочке, ревматически похрустывая суставами, а потом, потеряв равновесие, медленно перевернулось и повисло вниз головой.

– А я думал, ты чучело, – сказал Ринсвинд.

– На себя посмотри, волшебник.

Ринсвинд, не обращая на попугая внимания, подкрался к окну. Оно было маленьким, но выходило на пологую крышу. А там, за окном, была настоящая жизнь, настоящее небо, настоящие здания. Он потянулся, чтобы открыть ставни...

По руке, потрескивая, пробежал разряд и зарылся в его мозжечок.

Ринсвинд уселся на пол, посасывая обожженные пальцы.

– А он предупреждал, – проскрипел попугай, раскачиваясь вниз головой. – Но ты не какеготам. Ха-ха, надо признать, он держит тебя за какихтам.

– Но это заклинание должно действовать только на демонов!

– О-о, – отозвался попугай. Он наконец набрал достаточный размах и снова утвердился на своей жердочке, помогая себе облезлыми остатками того, что некогда было крыльями. – Это как посмотреть. Если тыходишь в дверь, на которой написано: «Какихтам», то и обращаются с тобой как с какеготам. В смысле, как с демоном. Ты подпадаешь под все правила и какихтам. Не повезло тебе...

– Но ты-то знаешь, что я простой волшебник!

Попугай визгливо хихикнул.

– О, я их повидал, приятель. Настоящих какихтам. Здесь такие какихтам побывали – ты бы своей овсянкой поперхнулся. Огромные, чешуйчатые, свирепые какихтам. На то, чтобы отмыть стены от сажи, уходили недели, – одобрительно добавил он. – Разумеется, это было во времена его дедушки. У малыша ничего не получалось. До сегодняшнего дня. А вообще, смышленный парнишка. Это все его, какихтам, родители. Деньги в семье недавно, понимаешь? Виноторговля. Избаловали пацана, позволяли ему играть со старым барахлом какеготам. «О, он такой умничка мальчик, вечно сидит, уткнувшись носом в книжку», – передразнил попугай. – Если хочешь знать, они никогда не давали ему того, в чем по-настоящему нуждается чувствительный растущий какеготам.

– Ты имеешь в виду любовь и наставления? – спросил Ринсвинд.

– Вообще-то, я говорил о хорошей, какеетам, порке, – ответил попугай.

Ринсвинд схватился за ноющую голову. Если все демоны проходят через такое, неудивительно, что у них всегда плохое настроение.

– Попка хочет печенья... – рассеянно проговорил попугай (примерно таким же тоном человек произнес бы: «Э-э» или «Как я уже упоминал») и продолжил: – Его дед был страшно увлечен этими штуками. Ими и своими голубями.

– Голубями, – уныло повторил Ринсвинд.

– Не то чтобы у него особенно хорошо получалось. В основном это были попытки и какихтам.

– Мне показалось, ты говорил о больших, чешуйчатых...

– О да. Но он-то не к этому стремился. Он пытался вызвать суккубу. – Теоретически клюв не может ухмыляться, но попугаю каким-то образом удалось растянуть его в улыбке. – Суккуба – это такая женщина-демон, которая приходит по ночам и совершает всякие безумные, страстные каких...

– Я слышал о суккубах, – перебил Ринсвинд. – Чертовски опасные твари.

Попугай склонил голову набок.

- Но у него ничего не вышло. Единственное, что он заполучил, так это невралгию.

- А это что такое?

- Это демон, который постоянно вызывает у тебя головную боль.

Демоны существуют на Плоском мире по меньшей мере столько же, сколько и боги, на которых они во многом походят. По существу, разница между богами и демонами такая же, как между террористами и борцами за свободу.

Большая часть демонов обитает в просторном измерении неподалеку от реальности, традиционно отделанном в ярко-пламенной гамме и постоянно сохраняющем температуру раскаленной печи. Честно говоря, подобные штуки вовсе не обязательны, но если чем и отличается рядовой демон, так это любовью к традициям.

В самом центре преисподней, откуда открывается непревзойденный вид на все Восемь Кругов Ада, из озера, наполненного заменителем лавы, величественно поднимается город Пандемониум[6 - Ни в коем случае нельзя путать Ад и Подземельные Измерения, эти бесконечные параллельные пустоши, раскинувшиеся за пределами пространства и времени. Печальные безумные Твари из Подземельных Измерений, совершенно не понимающие этот мир, жаждут обрести свет и форму, согреться у костров реальности (представьте себе океан, который пытается согреться, окружив свечу). Демоны, однако, принадлежат к более или менее тому же пространственно-временному какеготам, что и люди, и проявляют глубокий, неизменный интерес к повседневным человеческим делам. Любопытно отметить, что боги Плоского мира никогда особо не утруждали себя всякими судилищами над душами умерших, поэтому люди попадали в Ад только в том случае, если глубоко и искренне верили, что именно там им и место. Чего, конечно, вообще не случилось бы, если бы они не знали о его существовании. Это объясняет, почему так важно отстреливать миссионеров при первом их появлении.]. Который за последнее время несколько поистрепался.

Астфгг, новый правитель демонов, был в ярости. Не только потому, что у него снова сломался кондиционер, и совсем не потому, что его со всех сторон окружали полные идиоты и заговорщики, и даже не потому, что никто не мог правильно произнести его имя, но еще и потому, что минуту назад ему сообщили очень плохие новости. Демон, которому выпал жребий донести эту весть до ушей правителя, стоял перед его тронном, жалко согнувшись и поджав хвост. Он бессмерти боялся, что с ним вот-вот произойдет что-то замечательное[7 - У демонов несколько искаженная шкала ценностей.].

- Он - что? - переспросил Астфгг.

- Он, э-э, раскрылся, о повелитель. Тот круг в Псевдо-полисе.

- А-а. Умница мальчик. Мы возлагаем на него большие надежды.

- Э-э... А потом снова закрылся, о повелитель.

Демон закрыл глаза.

- И кто через него прошел?

- Э-э...

Демон оглянулся на своих собратьев, столпившихся в дальнем углу протянувшегося на целую милю тронного зала.

- Я спросил, кто через него прошел.

- В сущности, о повелитель...

- Да?

- Мы не знаем. Но кто-то точно прошел.

- Кажется, я отдал приказ, чтобы, когда мальчик добьется успеха, перед ним материализовался герцог Вассенего и предложил ему всяческие запретные

удовольствия и порочные наслаждения, дабы подчинить его воле нашей, – так или не так?

Правитель демонов зарычал. Проблема со злодействами заключалась в том, что демоны не были великими мыслителями-новаторами, им очень не хватало перчика человеческой изобретательности. А он так ждал, предвкушал эту встречу с Эриком Турсли, чей суперинтеллект обладал крайней неразборчивостью. Ад очень нуждался в таких ужасающе способных, эгоцентричных людях, как Эрик. У них куда лучше получалось творить всякие мерзости.

– Поистине так, повелитель, – отозвался демон. – И герцог ждет вызова уже много лет, не поддаваясь никаким другим искушениям, упорно и терпеливо изучая мир людей...

– И где же он был?!

– Э-э... Отлучился по сверхъестественной надобности, повелитель, – проблеял демон. – Не успел отвернуться, как...

– Как кто-то вместо него прошел через круг?

– Мы пытаемся выяснить, кто это был...

В этот момент поистине демоническое терпение лорда Астфгла лопнуло. Последняя фраза была пределом. Вечные муки для его подданных – слишком мягкая кара.

– Убирайся вон, – прошептал он. – И я присмотрю за тем, чтобы ты удостоился поощрения за свою промашку...

– О повелитель, умоляю...

– Убирайся!

Правитель демонов шагнул по мерцающим алым цветом коридорам к своим личным покоям.

Его предшественники любили щеголять косматыми ногами с копытами. Лорд Астфгг не задумываясь отказался от такого имиджа. Эти высокомерные сволочи, обитающие в Дунманифестине, ни в жизнь не станут серьезно относиться к тому, кто постоянно светит коровьим задом, так что Астфгг отдал предпочтение алому шелковому плащу, малиновым лосинам, капюшону с двумя довольно изысканными рожками и трезубцу. У трезубца постоянно отваливался наконечник, но Астфгг не сомневался, что в таком наряде он вполне может сойти за солидного, гм, демона...

Очутившись в прохладе своих комнат – о боги (или, точнее, о небоги), у него ушли века на то, чтобы привести эти апартаменты в мало-мальски приличный вид; его предшественники довольствовались тем, что болтались по свету да искушали людей, они слыхом не слыхивали об административных нагрузках... Так вот, очутившись в блаженной прохладе своих покоев, Астфгг осторожно снял покрывало с Зеркала Душ, и оно, замерцав, включилось.

Прохладная черная поверхность была окружена затейливой рамой, из которой безустанно поднимались и уплывали прочь струйки маслянистого дыма.

«Чего пожелаешь, хозяин?» – спросило зеркало.

– Покажи мне то, что произошло в районе ворот Псевдополиса за последний час, – приказал правитель демонов и приготовился смотреть.

Какое-то время спустя он поднялся и поискал у себя в каталожном шкафу имя Ринсвинд. Картотеку он установил совсем недавно, взамен использовавшихся раньше старых гроссбухов в удручающе громоздких переплетах; однако каталог все еще нуждался в доработке, поскольку обалдевшие от такого нововведения демоны заносили все имеющиеся у них сведения в ящик под буквой «Л», в рубрику «Люди».

Потом Астфгг уселся обратно в кресло и принялся наблюдать за мелькающими картинками, рассеянно поигрывая лежащими на столе предметами.

На столе у него было полно всякого добра: блокноты с магнитами, удобные подставки для карандашей и крошечные записные книжечки, которые так полезно иметь под рукой, невероятно забавные статуэтки с лозунгами типа

«Ты – босс!» и маленькие хромированные шарики на проволоке, приводимые в движение чем-то вроде суррогатного и недолговечного перпетуум-мобиле. Глядя на этот стол, ни одна живая душа не усомнилась бы в холодной реальности того факта, что она и впрямь обречена на вечные муки.

– Понятно, – наконец произнес лорд Астфгл и ударом когтя запустил механизм, раскачивающий стайку сверкающих шариков.

Демона по имени Ринсвинд он что-то не припоминал. С другой стороны, здесь, в преисподней, этих мерзких тварей были миллионы, они прямо-таки кишели без какого бы то ни было намека на порядок. Кстати, надо все-таки собраться и провести нормальную перепись, выгнать всех ненужных бесов в отставку и так далее...

На теле демона по имени Ринсвинд было меньше странных отростков, чем того требовали приличия. И выглядел он как-то потрепанно. Но кем еще он может быть, кроме как демоном?!

Вассенего был гордым старым болваном, одним из тех пожилых служак, которые втайне посмеивались над своим новым правителем и повиновались ему, в то же самое время не повинуюсь. Они презирали Астфгла за то, что он на протяжении многих тысячелетий не покладая рук трудился, дабы занять то положение, которое занимал сейчас. А ведь с чего все начиналось: когда-то Астфгл был мелким чиновником... В общем, старый хрыч вполне мог нарочно саботировать приказ своего повелителя, просто назло.

Что ж, с этим разберемся позже. Надо будет послать ему меморандум или что-нибудь в том же духе. Однако сейчас уже ничего не исправишь, придется заняться этим делом лично. Эрик Турсли – чересчур многообещающая фигура, чтобы выпускать его из лап. Боги на своей горе буквально взбесятся, если Астфгл сумеет заполучить Эрика Турсли.

Боги! Как же он ненавидит богов! Он ненавидел богов даже больше, чем старых перечниц вроде Вассенего, даже больше, чем жалких людишек. На прошлой неделе Астфгл устроил небольшой прием, все как следует продумал: ему хотелось показать, что он готов предать прошлое забвению и начать трудиться с богами вместе над созданием новой, лучше устроенной и более эффективной вселенной. Эту вечеринку он назвал «Давай Знакомиться!». Там были сосиски на

палочках и все такое прочее, он из кожи вон лез, лишь бы все прошло хорошо.

Но они даже не потрудились ответить на приглашение. Хотя чистый конверт с маркой он приложил.

- Эй, демон? - Эрик выглянул из-за двери. - Как ты там?

- Плохо, очень плохо, - откликнулся Ринсвинд.

- Я принес тебе поесть. Ты ведь ешь человеческую еду?

Ринсвинд попробовал угощение. Это была смесь овсянки, орешков и сушеных фруктов. Против этих невинных ингредиентов Ринсвинд ничего не имел. Но на каком-то этапе их приготовления кто-то проделал с ними то, что увеличенная в миллионы раз сила тяжести делает с нейтронными звездами. Если вы после таких яств умрете, вашим близким даже не придется рыть вам могилу: достаточно будет бросить вас в почву помягче, вы сами уйдете под землю.

Ринсвинду наконец удалось проглотить овсянку. Это было самое простое. Вся загвоздка заключалась в том, чтобы помешать ей набрать скорость.

- Очень вкусно, - сдавленно просипел он.

Попугай крайне правдоподобно изобразил человека, которого тошнит.

- Знаешь, я решил отпустить тебя, - объявил Эрик. - Что толку продолжать тебя удерживать, согласен?

- Абсолютно.

- Ведь ты совсем ни на что не способен.

- Извини. Полный ноль.

- Если уж на то пошло, ты и на демона не очень-то похож, - продолжал Эрик.

– Нельзя доверять этим какихам. Они никогда на себя не какеготам, – фыркнул попугай, а потом снова потерял равновесие и, повиснув вниз головой, проговорил: – Попка хочет печенья.

Ринсвинд резко обернулся:

– А ты, с клювом, не вмешивайся!

У них за спиной послышался такой звук, словно вселенная вдруг решила прочистить горло. Нарисованный мелом круг стал на мгновение невыносимо ярким, выделившись огненной чертой на фоне вытертых половиц, и какой-то предмет, появившись неведомо откуда, тяжело рухнул на пол.

Это был большой, обитый металлом сундук, упавший на свою полукруглую крышку.

Полежав некоторое время и, видимо, придя в чувство, он начал изо всех сил раскачиваться, а потом выпустил из себя дюжины крошечных розовых ножек и наконец перевернулся вниз дном.

И воззрился на собравшихся в комнате, которые вдруг ощутили себя крайне неуютно, поскольку сундук глазел на них, не имея глаз, которыми можно было бы это сделать.

Эрик пошевелился первым. Он схватил свой самодельный меч, заколыхавшийся из стороны в сторону, и крикнул:

– Так ты все-таки демон! А я ведь чуть было не поверил тебе!

– Гы-ы! – прокомментировал попугай.

– Это просто мой Сундук, – с отчаянием в голосе объяснил Ринсвинд. – Он вроде как... ну, в общем, он повсюду следует за мной, в нем нет ничего демонического... э-э... – Волшебник замялся и неуклюже закончил: – Во всяком случае, почти ничего.

– Изыди!

– О нет, опять ты за свое...

Парнишка уставился на раскрытую книгу.

– Мои прежние повеления остаются в силе, – твердо проговорил он. – Самая прекрасная женщина из всех когда-либо живших в этом мире, власть над земными царствами и вечная жизнь. Так что приступай.

Ринсвинд не тронулся с места.

– Ну же, давай, – подбодрил его Эрик. – Предполагается, что сейчас ты должен исчезнуть в клубах дыма.

– Послушай, неужели ты думаешь, что я могу просто щелкнуть пальцами и...

Ринсвинд щелкнул пальцами.

Комнату заполнили клубы дыма.

Ринсвинд смотрел на свои пальцы долгим, потрясенным взглядом – таким, каким человек смотрит на ружье, которое десятилетиями спокойно висело себе на стене, а потом вдруг выстрелило и продырявило кошку.

– Знаешь, раньше у них это не получалось, – проговорил он.

И опустил взгляд.

– Аргх, – сказал Ринсвинд и закрыл глаза.

Мир, что скрывался в темноте за его веками, был гораздо более приятным. Потопав ногой, Ринсвинд убедился, что пол никуда не пропал, что на самом деле он, Ринсвинд, по-прежнему стоит в комнате и настойчивые сигналы всех остальных органов чувств, твердящих, будто он висит в воздухе примерно в тысяче миль от Диска, – это просто дурной сон. Вот он скоро проснется и... Спohватившись, Ринсвинд быстренько отменил последнее пожелание. Уж лучше

и дальше спать. Во сне, по крайней мере, можно летать. А вот если он проснется, ему придется долго-долго падать.

«Возможно, я умер и действительно стал демоном», – подумал он.

Интересный вариант...

Ринсвинд снова открыл глаза.

– Ух ты! – восхищенно воскликнул Эрик. – И все это будет моим?

Он стоял в такой же позе, что и раньше, Сундук стоял рядом – хотя на чем они стояли, непонятно. К сожалению, чертов попугай тоже никуда не девался. Последний висел в воздухе и задумчиво разглядывал раскинувшуюся внизу внушительную панораму.

Плоский мир вполне мог быть создан для того, чтобы им любоваться; Ринсвинд был более чем уверен, что он всяко не был создан для того, чтобы на нем жить. Однако зрелище впечатляло – с этим не поспоришь.

Встающее у дальнего края солнце опоясывало почти половину окружности Диска сверкающей огненной чертой. Долгая, медлительная заря только начинала растекаться по темному массивному пейзажу.

Внизу, резко выделяясь на фоне бесплодного космического пространства, тащил на себе тяжкий груз Мироздания Великий А’Туин, Всемирная Черепаха. На ее – или на его, этот вопрос так и не был решен окончательно – панцире стояли четыре гигантских слона, подпирающие своими могучими спинами Плоский мир.

Возможно, существуют более эффективные способы создания миров. Можно, к примеру, взять шарик из расплавленного железа и последовательно покрыть его несколькими слоями камня. И у вас получится очень даже функциональная планета, правда она не будет такой симпатичной. Кроме того, с нее все будет скатываться.

– Неплохо, – заценил попугай. – Попка хочет континент.

- Он такой большой, - выдохнул Эрик.

- Да, - отрезал Ринсвинд, а потом, почувствовав, что от него ждут чего-то еще, добавил: - Смотри обращайся с ним осторожнее, не разбей.

Его терзали некие смутные сомнения. Допустим, он демон - за последнее время с ним случилось столько всякой всячины, что Ринсвинд уже готов был согласиться с тем, что он действительно умер, просто как-то не заметил этого в суматохе[8 - Ринсвинд где-то слышал, что умереть - это все равно что перейти из комнаты в комнату. Разница только в том, что, когда ты крикнешь: «Эй, а где мои чистые носки?», тебе никто не ответит.], - но тогда он все равно не понимал, как этот мир мог принадлежать ему. Он был совершенно уверен, что у Плоского мира есть настоящие хозяева, которые вряд ли обрадуются, если Ринсвинд возьмет и подарит Диск этому мальчишке.

А еще он был уверен в том, что демон должен получить письменное свидетельство о сделке.

- По-моему, ты должен за него расписаться, - сказал он. - Кровью.

- Чьей? - спросил Эрик.

- Своей, конечно, - ответил Ринсвинд. - Хотя, пожалуй, сойдет и птичья.

Он бросил свирепый и многозначительный взгляд на попугая, который буркнул в ответ что-то неразборчиво-оскорбительное.

- Но мне же надо сначала опробовать его.

- Что?

- А если он не будет работать? Пока не убежусь в том, что он исправен, ничего подписывать не буду.

Ринсвинд посмотрел на мальчишку, а потом снова опустил взгляд на яркую панораму распростершихся у их ног царств. «Интересно, в его возрасте я был таким же? - подумал он. - И как это я умудрился остаться в живых?»

– Это ведь живой мир, – терпеливо сказал он. – Разумеется, он работает! В смысле, ты сам-то посмотри. Ураганы, дрейф континентов, дождевой цикл – все наличествует. И все тикает, как какие-нибудь треклятые часы. Такого мира хватит на всю жизнь. Если будешь аккуратно с ним обращаться.

Эрик критически осмотрел Плоский мир. На его лице читалась обреченность человека, которому доподлинно известно: все лучшее в этой жизни нуждается в психическом эквиваленте двух пальчиковых батареек, а магазины откроются только после каникул.

– Я должен получить дань, – безапелляционно заявил он.

– Чего ты должен?

– Все правители мира, – пояснил Эрик. – Они обязаны платить мне дань.

– Да уж, ты и впрямь проштудировал этот вопрос, – саркастически заметил Ринсвинд. – А чего данью-то ограничиваться? Не хочешь ли луну с неба, раз уж мы тут, наверху? На этой неделе у нас специальное предложение – к каждому покоренному миру прилагается один бесплатный спутник.

– А там есть какие-нибудь полезные минералы?

– Что?!

Эрик вздохнул, демонстрируя свое великое терпение.

– Минералы, – повторил он. – Ну, залежи...

Ринсвинд покраснел.

– Мне кажется, мальчику в твоём возрасте не следует думать о...

– Я имею в виду обычные металлы. Если это просто груда камня, то зачем она мне?

Ринсвинд посмотрел вниз. Крошечная луна как раз поднималась из-за дальнего края Плоского мира, проливая бледное сияние на мозаичный узор, в котором переплелись земля и море.

- Ну, просто красиво... - сказал он. - Послушай, уже темно. Может, тебе заплатят дань утром?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Обыкновенные эротические книжки. Никаких извращений. Какое различие? Ну, можно использовать перышко, а можно - цыпленка.

2

На то, чтобы полностью скрыться под волнами, у него ушло целых тридцать лет. Жители Ку провели уйму времени, шлепая по воде. Эта катастрофа вошла в историю как самая позорная гибель континента во всей множественной вселенной.

3

Старый Том был треснувшим бронзовым колоколом, одиноко висящим на университетской колокольне. Свой язык он потерял практически сразу после отливки, но по-прежнему отмечал каждый час потрясающе звучным и внушительным молчанием.

4

Казначей намекал на одно неприятное событие, во время которого Университет едва не стал причиной конца света – и на самом деле стал бы ею, если бы не цепь событий, в которых участвовали Ринсвинд, ковер-самолет и половинка кирпича в носке (см. «Посох и шляпа»). А вообще, вся эта история вызывала у волшебников огромное смущение – так всегда бывает с людьми, которые внезапно обнаруживают, что выступали не на той стороне*. Просто удивительно, сколько членов старшего преподавательского состава утверждали теперь с пеной у рта, что в данный период они были больны, навещали свою тетушку или занимались исследованиями за закрытой дверью, громко напевая при этом, вследствие чего не имели ни малейшего представления, что происходит снаружи. Одно время поговаривали, что Ринсвинду следовало бы поставить памятник, но по причине той любопытной алхимии, которая обычно действует в подобных щекотливых вопросах, памятник очень быстро превратился в мемориальную доску, затем – в иконографию на университетской Доске Почета и, наконец, в выговор за появление на рабочем месте в неподобающей форме одежды.

* То есть на той, которая проиграла.

5

На самом деле толкования названия этой книги были самыми разными. Кто-то говорил, что на самом деле оно переводится как «Злосчастный Погонятель Мелкого Одноглазого Демона», а кто-то вообще называл ее только по первым буквам.

6

Ни в коем случае нельзя путать Ад и Подземельные Измерения, эти бесконечные параллельные пустоши, раскинувшиеся за пределами пространства и времени. Печальные безумные Твари из Подземельных Измерений, совершенно не понимающие этот мир, жаждут обрести свет и форму, согреться у костров реальности (представьте себе океан, который пытается согреться, окружив свечу). Демоны, однако, принадлежат к более или менее тому же пространственно-временному какеготам, что и люди, и проявляют глубокий, неизменный интерес к повседневным человеческим делам. Любопытно отметить, что боги Плоского мира никогда особо не утруждали себя всякими судилищами над душами умерших, поэтому люди попадали в Ад только в том случае, если глубоко и искренне верили, что именно там им и место. Чего, конечно, вообще не случилось бы, если бы они не знали о его существовании. Это объясняет, почему так важно отстреливать миссионеров при первом их появлении.

7

У демонов несколько искаженная шкала ценностей.

8

Ринсвинд где-то слышал, что умереть – это все равно что перейти из комнаты в комнату. Разница только в том, что, когда ты крикнешь: «Эй, а где мои чистые носки?», тебе никто не ответит.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/terri-pratchett/erik>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)